

МАРАТ ШАФИЕВ

Краткая история русскоязычной бакинской поэзии

*«И снова этот первый шаг
из зыбкой колыбели сна...»*

В декабре 2016 года в своей аккуратной и аскетичной квартире Рафига Шукюрова рассказывает мне следующее.

Отца ещё подростком в начале 20-х годов прошлого столетия, спасая от армянских погромов, вывезли из Шуши во Владикавказ. Отец знал грамоту, арабский, позже стал директором школы и женился на своей ученице, младше его на 13 лет. Родились дети: дочь и три сына.

Ибрагим, которым я интересуюсь, уже в пять лет читал Гомера; отец просил библиотекаршу не выдавать ему больше книг: пусть поиграет на улице, разве можно всё время с книжками?

В 1972 году Ибрагим окончил факультет журналистики МГУ. В Москве познакомился с будущей женой – карачаевка Лейла училась в педагогическом. Текла патриархальная кавказская жизнь: дети – девочка и мальчик; сотрудничество с областными и республиканскими газетами – «Молодой коммунист», «Ленинское знамя»; аспирантура и защита кандидатской («Конфликт в сатирической публицистике»).

Монументальный разлом Империи прошёлся и по миллионам интернациональных семей. Ибрагим уехал в Баку, где уже обосновались отец и сестра. Жена за ним не последовала.

Спасала работа допоздна: в газете «Вышка»; в отделе агитации и пропаганды Президентского аппарата. Гасан Гасанов – непосредственный начальник, – став министром, забрал его в МИД.

Гейдар Алиев открывал миру Азербайджан, и сам Ибрагим, освещая эти поездки (1993 – 1997), открывал для себя мир: Турция, Великобритания, Китай, Америка, Иран, европейские столицы – всего не перечислишь, правда, всё впопыхах, мимолётно. Последнее место работы – заместитель редактора газеты «Бакинский рабочий». С кем бы я ни заговаривал, у всех при упоминании его имени светлели лица.

Жил он уже в так называемом Издательском доме на проспекте Метбуат. Главная ценность – книги. Две полки занимала фантастика. В кармане носил малоформатного Пастернака. Ахматову цитировал наизусть. Из любимых ещё – Уитмен, Лорка, Гумилёв, Борхес. Знакомство с личными библиотеками даёт представление о их владельцах.

Рабочие, изнывая от жары, крыли крышу. Он отнёс им воду, спускаясь по лестнице, оступился и сломал ребро. Началась онкология. Мучений больших не было, мидовцы доставляли дорогостоящий импортный препарат. Но и таял он быстро.

Друзья-журналисты тиснули книгу его стихов – «Тень птицы». Наверное, при его возможностях таких книг могло быть множество, но он всю жизнь был удивительно кроток. И в больнице, держа в руках единственную тощую книжицу (82 страницы), он всё равно был счастлив.

Умер Ибрагим 23 июля 2003 года – 55-летним. Была годовщина потери Агдама – он писал статью, но, заснув, утром не проснулся: «Уйду в траву улиткой и усну».

В тихом мерном голосе старшей сестры – боль о трёх безвременно ушедших братьях, не ставших её защитой.

«Он сам себе цену не знал», – это снова об Ибрагиме. Может, не знал, но знали близкие: и редактор «Вышки» Глушков, сам сочинявший стихи, оставляя пост, только Шукюрова видел своим преемником; и Мансур Векилов, с удовольствием печатавший его верлибры в журнале «Литературный Азербайджан»; и рассудительная Джейла, вдруг безоговорочно поверившая ему и не требующая обязательств.

Бродский уверял: у поэта выбор слов говорит больше, чем сюжет. «Фатальная смена узоров в калейдоскопе жизни, колдовство открытий, капризы превращений и рождений» – в ловле мгновений. Шукюрова, как и Набокова, восхищала не просто распятая на кончике булавки необыкновенная бабочка, а та тайна, которая подразумевалась за изощрённой красотой. Что ещё удивляет в его текстах – почти игнорирование сугубо городским жителем самого города и обретение Вселенной – Абшерона: «море вздымает ветви соли и сини», «хаос скал, похожий на сны быков», «берег-скиталец бродит по хляби морской», «ящерица зелёной ртутью скатилась по камню». Из какой забытой жизни эти образы? А может, действительно была когда-то рыба, счастливо увернувшаяся от сетей и молний гарпунов, достигнувшая лунного затона и оставившая на сухом песке иероглифы своего похода? И внезапно разглядевшая в Великом Океане звёзд тень полёта – «зыбкий знак мечты»: «слить две стихии и две жизни/ свою и ещё одну свою».

Ибрагим Шукюров

Ахиллесово пространство кожи

*И год за годом город шил наряд
твоей судьбы.
Так что же вышло из-под суровых пальцев?*

*Невесомый лунный шёлк?
Кусающая до крови власяница?
Лохмотья короля
иль нищего пурпурная накидка?
Хитон из трав и листьев Диониса?
Постылые одежды узника или жителя гетто?
Белые покровы?*

*Нет! Он, как ремесленник, упорно выделявал
каждый миллиметр твоей кожи,
чтоб стала она грубой, как кора,
податливой и терпеливой, словно глина,
выносливой, как шкура зверя,
прожжённая пороховым тавром...*

*Но так надеюсь, что угрюмый мастер
не забыл оставить ахиллесову полоску
незащищённого пространства кожи –
для губ любимой и касаний ветра,
для лёгких пальцев света или тени!
Для сокровенных слов и для молитвы,
чтоб легче проникали в сердце.*

Абшерон

*Ветер сминает и распрямляет
стальные полотнища пространств
и засекает дикой солью камни.
Суровой глиной вознеслись холмы,
чьи лбы изранены терновыми венцами
вышек.*

*В провалах суши море –
не зеркало залива, амальгама нефти,
не плеск лазурных волн,
а гул, идущий из глубин.
Из недр свалки бивней, панцирей
и трубных ревов.*

*Абшерон под вечер, словно вздох
отгрохотавшего вулкана,
исторгнешь тишину и поведешь
в свои сады, похожие на мастерские
каменотесов.*

*...И вот роса и звезды
серебрят маслины,
дома распахивают свои шафрановые
души.*

Осень на Абшероне

*Вздох желтой дали
опаляет море.
Обтрепанные ветви, листья, хворост –
все свалено в костер.*

*Со дна мелеющего сада
яснее видно небо.
Акации побережья
до синевы прозрачны.
Песок –
его готовность запечатлеть мгновенья
наивна и мудра,
он, как пергамент, вновь рожденный, чист,
время нанести на нем след мимолетный
времени.*

*Осень –
место слияния трех далей –
пустыни, неба, моря.
Печальная пора сожженья
мертвых лоз и корневищ...*

*Птицы крыльями сметают в море звезды.
Осень то нитями дождей латает кровли,
то золотит случайным солнцем
горький дым костров.*

Покинутые

*А теперь представьте пространство
заставленное как статуями
тенями несбывшихся
так и невспыхнувших стихотворений
осыпанное сухими листьями осени
лишенное влаги разума
и рук страсти
одинокое и ржавое как забытая
бритва обгоревшее и испепеленное
как уголь сердца
представшую иссохшую гроздь
и кисти Христа
мяч закатившийся под диван
мальчика который ищет
его все свое детство
книгу всегда открывающуюся
на одной и той же странице
теперь вы увидели жилище
в котором поселились я и Борхес.*

«Счастья глоток... это много иль мало?»

Ровшан Сананоглу родился в 1956 году. Единственный ребёнок в семье (отец – Санан Мустафаев – первый ректор Строительного института) и типичный «ботаник» со своим замкнутым мирком: пятёрки по всем предметам, книги, математические задачи, позже музыка – в доме имелся музыкальный центр с колонками – невиданная роскошь для того времени. Когда отца назначили советником в Афганистан (с ним уехала и мать), он легко переносил одиночество. Отсюда и тяга его к противоположному полюсу бытия – героическому, ироничному скитальцу. Прозаические тексты его напоминают хемингуэвские: скудность сюжета и разговоры ни о чём.

От старого рока он постепенно пришёл к джазу. Ему повезло – Баку 60-70-х – один из самых продвинутых городов Союза в плане актуальной музыки – чего только стоит созданный здесь Вагифом Мустафаевым «джаз-мугам», органичное вживание азербайджанских интонаций в классическую джазовую структуру. А любовь к джазу подразумевает и внутреннюю свободу адепта, у которого нарушение закона не вызывает душевного дискомфорта. Став по воле судьбы джазовым критиком, вот где он по-настоящему чувствовал себя в своей стихии: писал широкими и смелыми мазками, имея на каждое событие оригинальное мнение.

Он принимал непосредственное участие в организации Бакинского джаз-фестиваля, музыкального фестиваля «Золотая осень», Фестиваля барабанщиков и т.д.; его имя в музыкальном сообществе страны всегда ассоциировалось с кладезем энциклопедических знаний о джазе.

Закончил АГУ, аспирантуру. Тема диссертации: «Обратная задача теории рассеяния для оператора Шредингера с потенциалом, зависящим от энергии». С 1984 года работал в БГУ на факультете прикладной математики и экономической кибернетики. Первая книжка – сборник стихов «Сучье варево». В «Сегодня не твой день» (2012) смешались все жанры, а «Phrases» – издание посмертное, лучшие его афоризмы: «Жизненный путь: от постороннего до потустороннего», «Жизнь твоя будет измерена забвением», «Мы всё время стараемся смоделировать будущее – забывая о том, что и оно когда-нибудь останется в прошлом», «Грех не согрешить» ...

А вот образчик его эссеистики:

«Когда Саша Аневский попросил меня написать вступительное слово к просмотру фильма «Ашик-Кериб», то вначале мне стало не по себе – всё-таки ранее моя сфера пристрастий ограничивалась (по большому счёту) джазом... к специалистам или хотя бы знатокам области кино я себя никогда не причислял. Конечно же, есть какие-то любимые фильмы – но чем-то выходящим за пределы экранного времени никогда не интересовался.

А потом я подумал: ведь фильмы снимаются не для критиков, а для зрителей – хотя и зритель бывает разный. И вот именно эта параджановская работа при первом же просмотре поразила меня больше, чем какой-либо другой фильм. Сначала я удивился тому, что фильм идёт на азербайджанском языке – с закадровым переводом на русский. Уже сам по себе этот факт достоин быть специально отмеченным – фильм снят в Грузии, режиссёр – армянин, исходный материал – произведение классика русской литературы, а речь – азербайджанская. Далее я увидел в фильме места, знаковые для каждого азербайджанца, – это и наша Крепость, и Девичья Башня, и Дворец Ширваншахов, и Голубая Мечеть, и Худаферинский мост, и Дворец Шекинских ханов... много чего. Потом зацепила музыка – во время первого просмотра я ещё не знал, кто написал музыку к фильму. Чуть позже сам фильм растворил меня в себе...

Уже после просмотра вступает в силу эффект последствия – и ты постфактум начинаешь смаковать свои ощущения... Понимаешь, что фильм фантастически красив – чуть ли не каждый кадр сам по себе является самодостаточной восточной миниатюрой. Понимаешь, что музыка органично вплетена в ткань картины... Вдруг приходит понимание того, что Алим Гасымов, голос которого звучит в фильме, в то время был малоизвестным музыкантом – а сегодня он выступает на самых престижных площадках (включая Карнеги Холл).

Но главное приходит потом... ты понимаешь, что этот фильм – о любви (Ашик – влюблённый), снятый человеком, который рассказал о своей любви к Востоку всему миру. Фильм, снятый Гражданином мира».

Самобытный, разносторонний, вечно ироничный, не признающий никаких авторитетов, а потому немного вздорный, педагог, писатель, поэт... Но какой при этом дружелюбный, весёлый, вечно окружённый толпой людей, умеющий дружить и общаться, обижаящийся по каждой мелочи и тут же великодушно прощающий...

Вечно с сигаретой под прокуренными усами... Рано поседевший, витающий где-то в облаках...

Ровшан умер в 57 лет.

У него был острый панкреатит, операция состоялась, он нормально перенёс, откликнулось очень много людей, крови собралось даже больше, чем требовалось, но кровотечение было настолько сильным, что не удалось остановить.

Две дочери проводили его под музыку You've Made Me So Very Happy – Ты сделал меня таким счастливым.

Ровшан Сананоглу

не кори меня,
коль сделаю
тебе – больно...

это вне меня,
я над собой –
неволен...

*и не радуйся,
когда сделаю
больно – другой...*

*ведь я не твой,
я вообще – ничей...
я просто – такой...*

*как все – пришёл я в этот мир нагим...
как все, омыт живой водою был...*

*и просто жил, любил, гулял...
и побеждённым был, и побеждал...
иной раз – сдерживал себя,
в другой раз – владел...
и пил не только воду,
и смертные грехи –
порой их тоже преступал...*

*я не итожу, нет...
ещё я поживу.
а бабки подобьёте вы –
когда стечёт с меня
с душою вместе
мёртвая вода...*

*спасите наши души –
от нас самих...
самих себя разбив
на части...
в попытках заново
судьбу свою собрать...
куски приладить так и сяк...
мы собираем всё не так...*

*счастья глоток...
это много иль мало?
кто знает...
а сколько тебе осталось –
мало иль много?
не знаю...
есть всего лишь дорога...*

*дорога? к счастью?
кто знает... может, к боли.
может, в конце той дороги
кому-то счастьем
судьбу пропороли...*

убивают – любя,
ненавидя – лечат...
предают – шутя,
мимоходом калечат...

я от вас устал –
не сегодня, вчера...
может, – раньше...
но свой путь я пройду –
и пойду – дальше...

Кто он – последний герой?

Он рос болезненным ребёнком, оберегаемый семьёй, как комнатное растение. Один из верных путей в истинное будущее (а ведь есть и ложное будущее) – идти в том направлении, в котором растёт твой страх. Поэтому военная служба – это было зачёркивание уготовленного ему родителями благополучия. Такого вызова судьба ему не простила.

Не умея пить, он изображал выпивоху; матерился, краснея; жалея живое, стрелял и, кажется, убивал. *«Достаточно оторвать человека от семьи, надеть на него мундир, дать в руки ружьё и ударить в барабан, чтобы пробудить в нём зверя»*, – Лев Толстой знал, о чём писал, в юности он сам стоял на севастопольских редутах, показно не кланяясь пулям и шрапнели. Но человечество на протяжении своей истории так и не смогло избавиться от войны. И если какая-то страна не хочет воевать и кормить свою армию, она будет кормить чужую.

Интересно, читал ли он Николая Гумилёва? *«И воистину светло и свято/ Дело величавое войны./ Серафимы, ясны и крылаты,/ За плечами воинов видны»*. И война обнаруживает в себе нечто трансцендентное. Готовность к самопожертвованию ради защиты близких по крови и духу людей от агрессора – это тоже нравственно.

От окончательного «зверя» спасали стихи. В древности право говорить стихами надо было заслужить и учиться у мастеров, как минимум, 12 лет. Даже в данном случае он проявил своеволие – заговорив от имени воинства, но, не найдя сочувствия в поэтическом цехе, вскоре стихи забросил. Действительно, стихи были неровные: высоты чередовались с провалами – но когда ему учиться? да и остались ли настоящие мастера? Поэтому и верлибр – жанр, не столь изощрённый и наиболее близкий к жизни, которая прозаична.

Вспоминается статья Ильи Эренбурга «Русский писатель» («Красная звезда», 12 января 1943 года): *«В дни войны нам недосуг раздумывать о высокой тайне искусства: его основные элементы – страсть, самозабвение, смерть – представляются нам запросто, среди разрывов, ракет и звёзд»*.

Война – момент мобилизации скрытых ресурсов, в которых не нуждается мирная жизнь.

Ещё одна потеря? Хемингуэй однажды написал: *«Все поколения были потерянными»*. Но в конце концов выясняется, что потерянных поколений не бывает, ибо Бог пишет на пергаменте каждой человеческой души. А в совершенном романе ни одна страница не оказывается ненужной.

А потом в голове лопнул сосуд, и Этибар Ахмед умер от кровоизлияния. Сорок лет – это даже ещё не возраст мудрости. Одно дело, подобно Сэлинджеру на пике славы, пытаться стать никем, но молодой Этибар Ахмед желал не пропасть, а стать подлинной жизнью, подобно тому, как капля воды становится Океаном. Пишут, чтобы не кануть в забвении, – но разве жизнь не лучший памятник самой себе?

Он создавал судьбу тем, что не создавал её. Теперь как-нибудь проживёт в легенде. И когда-нибудь та рубашка, та шинель, в которую он не влезал, окажется впору. Я уверен в этом потому, что Этибар Ахмед поднял тему, к которой в азербайджанской литературе мало кто посмел приблизиться. Назовите навскидку несколько имён поэтов-воинов – кроме Шаха Исмаила Хатаи, никто на ум и не приходит. По проторенным дорогам шагать легко, потому и упал, что выбранный им путь усеян не убранными камнями.

Не обременённый семьёй и поклажей – как известно, к звёздам шагают налегке.

О великих говорят как о родившихся рано, опередивших время. Этибар Ахмед родился поздно – он был бы своим в рыцарском средневековье. Тогда мыслили чуть холоднее, чуть равнодушнее, чуть мужественнее: *a la guerre comme a la guerre*.

Мне видится бредущее в пыли побитое рыцарство. Вышедшие из уютных домов бюргеры швыряют в них корки хлеба и хохочут: где ваши роскошные перья, где ваши серебряные трубы? Гремя поражением, понурое войско пропадает в багровом закате.

Я кричу ему вслед: «Где величавое благородство, где неподкупная честь, где воспетая любовь?!»

В густой траве обронённый помятый щит вдруг сверкает золотым девизом: «*После тьмы – непременно свет!*»

Этибар Ахмед

*тополя у дороги
вздрагну
показалось на миг что друзья
не легли в земле
а бредут вдоль дорог
машут мне рукой
и песни поют.*

*В прифронтовом доме
в зеркало глянул.
Дырка во лбу.*

*Вышли на дорогу
встречать розовощёкую девочку
явилась в грязи
в крови
вшами изгрызанная
долгожданная
незабвенная
дорогая моя Истина.*